

АГЛАЯ ВЕДОВА

ЗЕМЛЯ НЕ ПРИНИМАЕТ

ЗАЛОЖНОЕ · КНИГА ПЕРВАЯ

Аглая Ведова

Земля не принимает

«Автор»

2026

Ведова А.

Земля не принимает / А. Ведова — «Автор», 2026

Варя приезжает в сибирский городок Каменёв на похороны бабки, с которой не разговаривала пятнадцать лет. План простой: похоронить, продать дом, уехать за три дня. Но зеркала в доме завешаны клеёнкой и забиты гвоздями. Руки покойницы связаны белыми верёвочками, и старухи шёпотом требуют хоронить её «за оврагом» — там, где давно стоит жилой микрорайон. Участковый советует уехать до девятого дня. Батюшка отказывается отпевать: покойница сама не велела. Варя не слушает никого. Она хоронит бабушку по-людски, на общем кладбище. А через четыре дня бабушку впервые видят у магазина. Потому что есть покойники, которых земля не принимает. Потому что бабка Секлета держала этот город — и умерла, не передав дар. И теперь она будет ходить, пока не отдаст его единственному человеку, у которого хватило упрямства остаться. «Заложное» — серия самостоятельных мистических романов об одном городе, где всех «нечистых» покойников сто лет свозили в одно место. А потом это место застроили.

© Ведова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приезд	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Аглая Ведова

Земля не принимает

Глава 1. Приезд

Зеркала в бабкином доме были завешены клеёнкой. Не простынями, не чёрным ситцем, как показывают в кино, — обычной столовой клеёнкой в мелкий голубой цветочек, и Варя, ещё не сняв рюкзак, машинально отметила, что клеёнка прибита к наличникам гвоздями. Маленькими, обойными, с широкими шляпками. По периметру, сантиметров через десять. Кто-то стоял перед зеркалом с молотком и бил аккуратно, не торопясь, чтобы нигде не осталось щели.

— Ты проходи, проходи, — сказала тётка в сером платке, которую Варя не знала. — Не разувайся только.

— Почему?

Тётка посмотрела на неё так, как смотрят на ребёнка, спросившего, почему нельзя есть снег.

— Полы холодные, — сказала она после паузы и ушла в комнату, где горел свет и пахло воском.

Полы в доме были тёплые. Печь топилась — Варя чувствовала её сухое дыхание из-за перегородки, — и это было отдельно странно, потому что стоял конец августа и днём в Каме-нёве было под двадцать пять. Она поставила рюкзак у вешалки, под бабкины пальто, которые висели тут, кажется, с прошлого её приезда — пятнадцать лет назад, — и пошла на свет.

Гроб стоял на двух табуретках посреди большой комнаты, головой к красному углу. Крышка была приставлена к стене в сенях — Варя прошла мимо неё и не сразу поняла, мимо чего прошла. Вокруг сидели старухи, штук шесть, все в платках, все с прямыми спинами, и негромко разговаривали — не о покойнице, а о какой-то Зинаиде, у которой сын опять продал мотоблок. При Варином появлении разговор не прервался, только притих на полтона, как радио, у которого чуть повернули ручку.

Бабка лежала маленькая. Это первое, что Варя подумала, и тут же устыдилась, что думает о размере, как будто выбирает коробку. Но Секлетинья Матвеевна Одинцова при жизни маленькой не была никогда — она была широкая, тяжёлая в кости, с руками, которыми ловила за холку соседского бычка. А в гробу лежала сухонькая старушка с жёлтым, спокойным, чужим лицом, и только брови остались бабкины — густые, сросшиеся, сердитые.

Руки её были связаны в запястьях белой верёвочкой. Ноги, насколько Варя могла видеть под покрывалом, — тоже.

— Это зачем? — спросила она негромко, ни к кому.

— Чтоб лежала смирно, — так же негромко ответила ближняя старуха, не оборачиваясь.

— В смысле — чтобы не растрясло? Когда нести будут?

Старуха повернула к ней голову. У неё было круглое доброе лицо и очки с такими толстыми линзами, что глаза за ними плавали, как в аквариуме.

— Ага, — сказала она приветливо. — Когда нести. Ты внучка, что ли? Варвара?

— Варвара.

— Похожа, — сказала старуха с непонятной интонацией и отвернулась.

Варя простояла у гроба сколько положено — она не знала, сколько положено, и стояла, пока не затекла спина. Плакать не получалось. Она пробовала вызвать в себе что-нибудь — детство, малину, как бабка учила её доить и коза наступила ей на ногу, — но между ней и гробом стояло пятнадцать лет молчания, два неотвеченных письма и мать, которая сказала: «К

этой ведьме ты больше не поедешь», и не объяснила ничего, а Варя и не спрашивала, потому что в четырнадцать лет уезжать из Каменёва в город хотелось гораздо сильнее, чем оставаться.

Телеграмму — настоящую бумажную телеграмму, Варя не знала, что они ещё существуют, — принесли позавчера на адрес, по которому она не жила уже три года. Хозяйка квартиры нашла её в почтовом ящике и сфотографировала. «СЕКЛЕТИНЬЯ ПРЕСТАВИЛАСЬ ХОРОНИМ СУББОТУ ПРИЕЗЖАЙ ОДНА ТЧК». Без подписи. Мать, когда Варя позвонила, долго молчала, потом сказала: «Не езд», — и по тому, как она это сказала, Варя поняла, что поедет.

Вечером старухи стали расходиться. Уходили они странно: каждая, поднявшись, подходила к печи и трогала заслонку — коротко, ладонью, как здороваются с деревом на удачу, — потом кланялась гробу и шла к дверям, пятясь первые три шага. Варя смотрела на это, стоя у окна, и чувствовала себя туристкой в чужой стране, где всё вроде по-русски, но правил не знает никто из твоих.

Осталась одна — та, в сером платке, что встретила её. Она деловито гремела на кухне, потом принесла Варе тарелку: варёная картошка, два яйца, хлеб.

— Поешь. С дороги.

— Спасибо. Вы... извините, я не знаю, как вас зовут.

— Тамара Ильинична я. Соседка. Ты меня не помнишь, я тебя вот такой помню. — Она показала рукой полметра от пола. — Ты у бабушки на грядке морковку выдёргивала и обратно закапывала, чтоб не заметили.

Варя неожиданно для себя улыбнулась. Морковку она помнила.

— Тамара Ильинична, а почему всё... так? — Она обвела рукой комнату, клеёнку, печь. — Верёвки эти. Гвозди. Это какой-то местный обычай?

Тамара Ильинична посмотрела на тарелку в Вариных руках.

— Ешь, остынет.

— Картошка не остынет, она уже остыла.

— Тем более ешь. — Соседка присела на край табуретки, сложила руки на коленях. Руки у неё были учительские: сухие, с вьёвшимся мелом морщин. — Обычай, да. Местный. Ты, Варь, вот что. Ты когда хоронить-то её собираешься — слушай людей. Люди скажут, где. Люди скажут, как. Ты не спорь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.